

АНДРЕЙ
БАУМАН

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

ТЫСЯЧЕЛЕТНИК

Андрей Бауман

Тысячелетник

ИП «Центр современной литературы»

Бауман А.

Тысячелетник / А. Бауман — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-087-7

Дебютная книга стихов Андрея Баумана представляет собой движение к целостной картине европейской истории: от ее греческого истока через христианское обновление мира к катастрофическому опыту последнего столетия, достигшему предельной интенсивности в мировых войнах, концлагерях и новейших конфигурациях террора и ставшему определяющим для русского культурно-исторического космоса. На протяжении всей книги происходит интерпретация осевых векторов европейской поэзии, обретших воплощение у Данте, Гёльдерлина, Рильке, Мандельштама, Целана, Элиота, и ключевых маршрутов западной философской мысли. Но главная новация автора «Тысячелетника» — возрождение языка богословских и литургических текстов как одного из оснований для современной поэтической практики. Неоплатонический словарь, переосмысленный Дионисием Ареопагитом, каппадокийцами и Максимом Исповедником, опыт сирийских гимнографов и рейнских мистиков становятся тканью новой стихотворной речи, которая достигает кульминации в описании крестного пути Христа и Его непосредственного присутствия в современном мире после Катастрофы.

ISBN 978-5-91627-087-7

© Бауман А.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

Поэзия	5
Становящийся словом	9
Событие стиха	12
Между небом и пеплом	15
Дерево	17
Служение	18
Обратное странствие	19
Пир	20
I. Пир богов	20
II. Поминовение	22
Андрогин	23
Прилив	24
Дриада	25
Познание	26
Соединение	27
Человек выходит из дома	28
Мотыльки	29
Стихи (к) Дине	30
I	30
II	31
Пчелиная песнь	32
«Расставлен зал, умолк вседневный труд...»	33
«птица граничит с воздухом...»	34
В этих комнатах	35
I think I am a verb	37
Старик	38
Встреча	39
Отъезд	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Бауман

Тысячелетник

Поэзия

Становящийся словом – обнажается от себя.
Становящий слово – впервые рождает и рождается в сущих.
Слагающий стихи
говорит ради тех, в тех и во имя тех,
чей голос отрезан от слуха и языка:
говорит от имени
всех погибших и всех заключенных в молчание.
Он говорит ими,
а они – им.
Первое в нем – прославление,
второе в нем – оплакивание.
Всё в нем – пересозидание,
и всё в нем – сберегание.
Слагающий стихи
хранит мир
и объявляет мир
сущим.
В его гортани и пальцах
всё – впервые,
всё – в последний раз
и всё – неизменно.
Непоправимый дар дыхания
нарекает имена,
вовлекая их выстоять против забвения.
Слагающий стихи есть стяжение и взаимность
между небом и пеплом,
между живыми и мертвыми.
Они – его вещество, его рождающая земля,
он – их кровообращенная речь.

5 ноября 2010

Андрей Бауман родился в 1976 году в Ленинграде. В 1998 году окончил философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Литературный редактор журнала «Проект Балтия» (Санкт-Петербург). Стихи публиковались в журналах «Нева», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Гвидеон» и на сайте «Полутона». В 2011 году эта книга, в процессе подготовки к изданию, была удостоена премии «Дебют» в номинации «Поэзия».

Автор выражает глубокую сердечную признательность Владимиру Гандельсману, Вадиму Месяцу, Андрею Таврову, о. Сергию Круглову, о. Константину Кравцову, Виталию Пуханову, Ольге Славниковой, Галине Климовой, Елене Лебедевой, Григорию Стариковскому и Антону Иваненко: всем, чья искренняя дружеская поддержка помогла этой книге увидеть свет.

«Нет человека, который был бы как остров, сам по себе; каждый человек есть часть Материка, часть суши; и если волной смоев в море береговой утес, меньше станет Европа, и так же – если смоев край Мыса и разрушит Замок твой и друга твоего; смерть каждого человека умаляет меня, ибо я един со всем Человечеством; а потому не спрашивай, по ком звонит колокол, – он звонит по тебе».

Джон Донн

«Мы – это всё, что происходило до нас, всё, что совершалось на наших глазах, и всё, что оказало на нас воздействие. Мы – это каждый человек и каждая вещь, повлиявшие на наше существование, а также каждый человек и каждая вещь, на существование которых повлияли мы сами. Мы – это всё, что произойдет после того, как нас не станет, и всё, чего не произошло бы, если бы нас не было».

Салман Рушди

«В конце концов, тело простирается до звезд. Его нельзя и невозможно более понимать как “бренное тело”, замкнутое в свою кожу. Тот, кто видит тело как контейнер, как мусорный контейнер, – тот так же видит и человека».

Дитмар Кампер. «Тело, знание, голос и след»

«...Истинное “я” существует только тогда, когда в его сердцевине открыто зияние, где оно входит в связь не просто с другим, нежели оно само, но с абсолютно другим по отношению ко всему, что есть».

Франсуа Федье. «Голос друга»

«Никакой сигнал бедствия не может быть бóльшим, чем крик *одного* человека... Весь земной шар не может быть в большей беде, чем *одна* душа. Христианская вера, как я ее понимаю, – прибежище в *высочайшей* беде. Кому в этой беде дано открыть свое сердце, а не зажать его, тот принимает в свое сердце целебный бальзам. Кто так открывает сердце в скорбной исповеди Богу, тот открывает его и другим людям. Он теряет тем самым свой сан отличного от других человека и уподобляется ребенку. То есть становится человеком без должности, звания и обособленности от других».

Людвиг Витгенштейн. «Культура и ценность»

«Бог сделался нищим и просителем, сойдя ради нас, и сострадательно воспринял в Себя скорби каждого, и до скончания времен... тайнственно состраждет нам, в меру страданий каждого».

Максим Исповедник. «Мистагогия» («Тайноводство»)

«...Мы говорим о Боге, Который перечеркивает Себя Крестом...»

Жан-Люк Марион. «Бог без бытия»

«Любить вещи по возможности так, как любит их Бог, и разумно сопереживать в своем акте любви встречу-совпадение божественного и человеческого акта в одной и той же точке мира ценностей – это высшее, на что был бы способен человек».

Макс Шелер. Ordo amoris

«Несомый по волнам Божественной Крови, ты встретишься с разными вещами: и с обломками, что сталкиваются друг с другом в стремнине горного ручья, и с прекрасными парусниками, которые скользят по нежной глади царственного потока. Потом, вынесенный куда-то в пространство темного одиночества, ты познаешь причастность друг другу всех живых существ – причастность в соприкосновении с этими струящимися дорогами Тела – и неповторимость сих существ на этих путях. И породнившись со всеми вещами и всеми природами, ты будешь наконец сопричастен самому себе, и через обходные пути самозабвения ты будешь приведен к праздничному Столу Приношения, на который сам положишь себя как некий новый дар. Направленный толчком Сердца ко всем членам этого неимоверного Тела, ты совершишь путешествие, что длиннее самого длинного из странствий Колумба, но как Земля подобна шару – так и все вены ведут снова к Сердцу, откуда вечно исходит любовь и куда она всегда возвращается. Постепенно ты научишься его ритмам и не будешь более пугаться, когда Сердце вытолкнет тебя в пустоту и смерть; ведь теперь ты знаешь, что это кратчайший путь к тому, чтобы его полнота вновь желанно приняла тебя. И если Сердце оттеснит тебя, то знай: это – посланничество, а посланный от Сына сам совершает путь Сына, прочь от Отца, в мир. И твой путь вдаль, туда, где нет Бога, есть путь Самого Бога, исходящего от Себя Самого, Самого Себя оставляющего, позволяющего Себе упасть, бросающего Себя Самого в беде... На самом дальнем краю, на самом далеком берегу, там, где Отец не виден и полностью скрыт, – там Сын выдыхает Свой Дух, вышептывает Его в хаос и во тьму, и Дух Божий парит над водами. И через

парение в Духе Сын возвращается назад к Отцу, и ты вместе с Ним и в Нем, и выход и вход есть одно и то же, и нет ничего, кроме этой единственной, струящейся жизни».

Ханс Урс фон Бальтазар. «Сердце мира»

«Наше человеческое естество преображается в полноте Божией, становясь всецело огнем и светом».

Псевдо-Макарий. 15-я гомилия

«Затем душа говорит: *Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною – любовь* (Песн. 2:4) ... Жажда ее сделалась столь сильной, что ее не насыщает более чаша мудрости (Прит. 9:2). Все содержимое чаши, опрокинутое в уста, кажется ей недостаточным для утоления жажды. Но она желает... видеть гроздь, раздавленные в чаше, и лозу, родившую эти гроздьи, и виноградаря, взрастившего настоящую лозу... она желает быть повержена любовью, ибо любовь, говорит Иоанн, есть Бог».

Григорий Нисский. 4-я гомилия на Песнь песней

«...Любовь есть бездна сияния; любовь – источник огня в сердце: чем обильнее он исходит, тем сильнее пылает жаждущий».

Иоанн Лествичник. «Лествица», 30-я ступень

«То, что сгорает, есть Бытие-вовне-себя, Бытие, которое, сгорая, освещает и излучает сияние... Огонь не приходит после, огонь пишет, пишет самого себя, прямо в процессе сгорания».

Жак Деррида. «О разуме»

«Движение к Другому – это отнюдь не восполнение или удовлетворение; я ввязываюсь в обстоятельства, которые вроде бы не касались и не должны были затронуть меня... Отношения с Другим ставят меня под вопрос, изымают и продолжают изымать меня из меня самого, раскрывая во мне всё новые дарования. Я и не ведал, что настолько богат, хотя и не вправе теперь оставить что-то себе. Что есть Желание Другого – влечение или щедрость? Желаемое не исполняет моего Желания, а углубляет его, как бы поит меня новой жаждой. Желание являет себя как доброту. В “Преступлении и наказании” есть эпизод, когда Соня Мармеладова вглядывается в отчаявшееся лицо Раскольникова, как говорит Достоевский, с “ненасытимым состраданием”. Он не сказал “неисчерпаемое сострадание”. Идущее от Сони к Раскольникову сострадание – словно голод, а присутствие Раскольникова питает и возвращает его до бесконечности, за пределы всякого возможного насыщения. Желание Другого, переживаемое нами в обыденнейшем опыте общения, есть прадвижение, чистое иступление, абсолютная смыслонаправленность... явленность Другого существа есть лицо... Лицо лишено покровов своего облика и заоченело в своей наготе. Нам предстала нищета. Нагота лица – это крайняя нужда и тем самым мольба в прямой направленности ко мне. Но эта мольба требовательна, это униженность с высоты... лицо требует от меня признания, и я не могу ни остаться глухим к его зову, ни забыть его, а это значит, что я не могу уклониться от ответственности за его нищету... Отныне быть Я означает невозможность отстраниться от ответственности. На моих плечах словно держится все здание тварного мира. Однако ответственность, лишаящая Я его империалистичности и эгоизма, будь то даже эгоизм личного спасения, – не превращает Я в момент вселенского строя, но подтверждает его неповторимость. Неповторимость Я заключается в том, что никто не может ответить вместо меня».

Эмманюэль Левинас. «Гуманизм другого человека»

Становящийся словом

Поэзия Андрея Баумана – интеллектуально-лингвистического толка. Это значит, что его поэтическое размышление неотрывно от языковой интуиции, от словотворчества. В его стихах нет открытого лирического обращения вроде «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Его путь лежит через Хлебникова к Державину, Ломоносову и дальше – к старославянским и древнегреческим образцам. Само название стихотворения «Слово на обновление естеств» переносит нас – через русскую поэзию XVIII века – через «Слово на обновление Десятинной церкви» XI века – в век IV, к Григорию Богослову и его известной в православной среде фразе «Обновляются естества, и Бог делается человеком». При этом лингвистическая рефлексия возвращает нас в современность. Бог – Пастырь, говорит поэт, но лишь до перемены времен, пока

человек человеку – в овечьей шкуре,
с овчей судьбой на всех,
с лица неовчим выраженьем.

Возвышенная ода приправлена словообразовательным юмором, аллюзией на классические строки Баратынского, и концовка ее, когда «обновление естеств» произошло, написана в том же ключе:

Урожденные в ягнячестве —
перетворены
из праха в празднество:
боги впервые
и впервые, в отваге естества, люди.

Знание трудов христианских богословов, греческой патристики замечательно обогащает мысль и поэтику А. Баумана. Так, в вышеприведенном названии обыграна двойственность понятия «обновление»: «обновление» как «освящение» (например, освящение церкви, в частности – той же Десятинной) в церковнославянском и «обновление» в современном смысле.

Тексты насыщены «гомеровскими эпитетами»: «кровообращенная речь», «плодоносное тело», «животворная слава» и т. д. и т. п. Нет числа сложным прилагательным в стихах А. Баумана, и это тоже роднит его поэзию с русскими религиозными текстами, с книжно-церковной литературой, которой свойственна торжественная интонация, а не только с эпическим наследием греков.

Почему так, а не иначе? Читатель найдет ответ в стихах, например в стихотворении «Поэзия», где неожиданна уже первая строка: «Становящийся словом – обнажается от себя». Не «до себя», а «от себя». Здесь скрещение смыслов: обнажается, но и отталкивается, отчуждается от себя, перестает быть собой (у Григория Богослова: «Видите благодать дня, видите силу таинства: не восторглись ли вы от земли? Не явно ли вознеслись уже горé, подъемлемые моим словом и тайноводством?» – читатель обратит внимание на аналогичную конструкцию и двойственное значение этого «восторглись от...»); и потому мы никогда не станем свидетелями «обнажения» как такового: поэт слишком целомудрен, чтобы остаться на уровне открытого лирического высказывания. Чуть дальше есть четкая формулировка, отвечающая на вопрос, почему он избрал именно такие средства выражения. Потому что

Первое в нем – прославление,
второе в нем – оплакивание.

Всё в нем – пересозидание,
и всё в нем – сберегание.

Если так, то средства выражения выбраны безукоризненно.

Выше я указал на использование сложных прилагательных (есть, кстати, и сложные существительные: «небоземля», «позвоночником древо» и др.). И это не стилистическая прихоть. Андрей Бауман хочет сказать ВСЁ. Он хочет, чтобы в каждом атоме стихотворения заключался весь мир. Сложное слово андрогинно, оно пребывает в попытке объединить в себе разные начала и стать совершенным:

андрогин:
утвержденный в середине моря и суши,
всеприимный,
простерший кресторадостно руки объятий, —
бог, становящийся всеми,
сорадостный и
сострадающий всем.

Желание сказать ВСЁ, конечно, неосуществимо по определению, но именно поэтому оно заставляет поэта всякий раз менять средства высказывания на чуть ли не диаметрально противоположные, поскольку всякий раз, даже когда написанное представляется точным и соответствующим сути, строю, внутренней форме предмета, обнаруживается, что какие-то очень важные вещи (возможно, самые важные) остались произнесенными. Отсюда напряженные попытки дать сказаться совершенно разным вещам, требующим, разумеется, кардинально различных способов говорения.

В связи с этим особенно, может быть, значимы стихи социально-исторического характера, где звучит тема войны и концлагерей («Солдатские кладбища», «Братья», «Дано мне тело...»), «Россия и после», «Восточный фронт» и др.), тема судьбы России и ее земли, которая с каждой отнятой жизнью становится «старей и горше»:

ладонями своих монастырей
незрячее ошупывая небо,

глотающее лагерную пыль,
на огненных настоянную травах:
одна на всех – сестра и поводырь,
покоящая правых и неправых.

Как читатель я благодарен поэту Андрею Бауману за его верность традиции, в том числе традиции гражданской поэзии, за содержательное новаторство, за произрастающую плотность слова, вьющегося подобно дереву (стихотворение «Дерево») – с его «достатком световым», «кроной корневой», «солнцетоком», за «двоякодышащее слово».

Андрей Бауман по образованию философ, и стихи вроде процитированного «Андрогина» отсылают нас не только к религиозной мифологии и каббалистической трактовке первых глав Библии, но и к Платону с его «Пиром» (ср. стихотворение «Пир богов»), где, кстати, рассказывается миф об андрогинах.

Я мог бы привести и другие примеры, иллюстрирующие то главное, чем движима поэзия Андрея Баумана, но время предоставить слово самому поэту. Могу лишь пожелать читателю

этих стихов испытать то же чувство, что испытал Алкивиад, внимая Сократу: «Когда я слушаю его, сердце у меня бьется гораздо сильнее».

Владимир Гандельсман

Событие стиха

Возможность говорить о стихах Андрея Баумана заранее настроила меня на неуместность в разговоре – игры; вернее, игры как стеба, этой мучительной судороги-попытки подражания падшего существа подлинной игре существа горнего, великому стройному танцу Вселенной перед лицом Малельдила, от описания которого так захватывает дух при перечитывании «Космической трилогии» Льюиса. Но серьезность слога Баумана – не напускная. Это, скорее, истовая трепетность очевидца чуда: Андрей – христианин, и что такое Фаворский свет, проникающий и преображающий мир («Не погубить пришел Я мир, но спасти...»), делающий воду – истинно водой, дерево – деревом, статую – символом, ум – разумом, темную историю народов и культур – путем и смыслом, через придание всему ангела-хранителя (первый привкус рилькевской антеллатрии – «...И ветви-центробежцы – взрыв, поток – / Спешат вовне: расширить власть живого, / Под сень свою малейший взять росток... / Но как двоякодышащее слово / Идет в доречевой его исток, / Так дерево землей пребудет снова» («Дерево»)) – уходит при втором и третьем перечтении стихов Баумана, смывается евангельской водой живой), – знает своим способом: своим стихом. Так вежественно, стройно, целомудренно и предельно страстно познал Адам жену свою, затем – познал и мир, так и Бог продолжает познавать того, кого породил в муках:

...в рыжем кипении солнц многократных
в круговине дельфиньего света
в центре всех становлений
в средоточии лиственных воинств
обнаженный до птицы и зверя
в перикарде,
до червя, и тюленя, и ангела – в семени
обоюдополярном, —
сопричастник всего
разжимающегося универсума
всей пульсирующей лестницы душ...

(«Андрогин»)

вдохнув Свое дыхание в горсть красной, косной глины.

Петербуржец до мозга костей, Бауман – из тех пишущих стихи, кто часто отходит от полотна и, прищурившись для нивелирования деталей, оглядывает целое; один из тех, кто озабочен осмыслением эволюции поэтического языка, его ролью и миссией (см. программное высказывание на эту тему, помещенное в конце книги). В нашей переписке Андрей однажды шуточно посетовал, что такова-де моя планида – писать предисловия к книжкам стихов выпускников философского факультета СПбГУ; меня эта планида радует уже потому, что Андрей поймет, о чем речь: его поэтический язык (дар поэтической речи – один из даров, данных Богом человеку, и его реализация, в контексте евангельской притчи о талантах, позволяет смотреть на разновидности поэтической речи, будь то речь литургическая, эпическая или лирическая, как на инструменты в деле продолжения Откровения Бога – через поэта и его стихи – миру и человеку) состоялся через **событие** (человека, его повседневности ли, истории ли и культуры, которые – в невечернем дне Вечности – всегда **только что**), событие как философскую категорию и непосредственное созерцание события как такового, его поэтический анализ и новое оживление, введение земного события в Божественный контекст, как

нищенку вводят в тронную залу за миг до торжественного объявления ей, что именно она – королевская дочь, в детстве украденная из замка цыганами:

...Наш бой – как символический обмен
дарами всеми
святыми. Пусть он Франц, а я Жермен,
мы – зеркала взаимных ойкумен —
вернемся в семьи.

А может, канем в бурую листву,
два палиндрома,
которые о чем-то повеству...
Но, так или иначе, к Рождеству
мы будем дома...

(«Горчиная осень 1917-го»)

...К сознанию прихлынул горячечный жар:
я вспомнил – из дома куда-то
наш впалый, обвисший Трезор убежал,
и слезы в подглазниках брата,

на синих кругах примерзающий лед
в тисках метрономного пульса,
и, сжавшись, не знаем, кто первый умрет,
и голод под кожей раздулся,

и мама со свертком мясным и глядим
мы нежно как режет несмело
и варит захлеб обжигаясь едим
едим животворное тело

Меня оттащили, но сквозь пелену
я видел, как тех, не сумевших
сдержать этот голод, по снежному льну
без слов волочили, умерших.

Мы ехали дальше, и поезд не гас
в белеющей тьме полустанков,
когда ампутировал детство у нас
и взрослых сшивал из останков...

(«Братья»)

В лекции «Язык и знание», прочитанной в 1989 году, философ Владимир Бибихин сказал об этом так: **«В поэтическом слове событие здесь и теперь говорит полным голосом. Слово в своем существе голос события. Язык человечества существует постольку, поскольку есть человеческая история со своим говорящим событием».**

Поэтический язык Баумана до предела насыщен культурными аллюзиями, но этот язык не вторичен: войдя в мир, поэт воспринял культуру, историю, антропологию, все их накоплен-

ное богатство как первозданное событие – и ответил на него событием своего стиха, став в ряд совершающих тот Божественный и человеческий танец, с упоминания о котором мы и начали этот витиеватый пассаж – предупреждение читателя о радости, которую он испытает, знакомясь с умным, тонким и уже состоявшимся поэтом.

Сергей Круглов

Между небом и пеплом

Появление такого поэта, как Андрей Бауман, провоцирует на то, чтобы, не боясь «высокого штиля», извлечь *хорошо забытое старое* из-под глыб претендующего на нечто новое мусора. Взять и напомнить, например, о том, что голос подлинного поэта всегда не только *его* голос, но и голос всех поэтов его языка. Это во-первых. Во-вторых, голос подлинного поэта всегда вместе с тем уникален и свеж как зеленый росток, будучи обязан и новизной и неповторимостью тому тысячелетнему древу Традиции, которое, как и религия, есть связь и восстановление связи всего со всем в ее Истоке.

Книга называется «Тысячелетник» – это и есть то упомянутое здесь древо, напомнить о котором пришел Андрей Бауман. «Тысячелетник» – амбициозный вызов сегодняшнему «литературному процессу», а вместе с ним – городу и миру товаров разового пользования, на дух не переносящему *таких* мер и весов, *такого* слова. Это не блеклый «бессмертник», не сухой и невзрачный «столетник», это вообще не цветочек, будь то мелкого «зла» или столь же художочного «добра», это не витиеватая поросль мелкотравчатых «смыслов», это даже и не стихи в сегодняшнем понимании того, что они такое. Это *гимнография* – слово, которого компьютер не знает, а читатель не помнит. Как вряд ли помнит, кто такая Полигимния, давно, со времен Державина, не объявлявшаяся в наших краях. Но какие музы, какая музыка, а уж тем более – *гимны*, о чем вообще можно говорить всерьез здесь и сейчас? Однако Андрей Бауман говорит, раздражая на дух не переносящих ничего «религиозного» и «возвышенного», говорит, не боясь быть обвиненным в «пафосности» и прочих непростительных во времена постмодернистской игры в бирюльки грехах. Своим «Тысячелетником» он заявляет: Автор жив, а вот живы ли вы, ребята, – не факт. Потому что жизнь, как напомнил однажды А. Ф. Лосев, – это или бессмыслица, или жертва. Но может ли времяпрепровождение, где смысловые связи разорваны, именоваться жизнью? Не слишком ли много чести? Не смерть ли это в том смысле, в котором понимали ее все традиционные культуры, говорившие не о превращении в ничто, а о бесплотном существовании в шеоле или Аиде?

То же самое, что сказано Лосевым о жизни, можно отнести и к поэзии. Она, говоря по высшему счету, или хвала и плач (жертвоприношение) – или ничто, *суета сует и всяческая суета*. Не поэзия, а в лучшем случае – безобидная болтовня, детский лепет, птичий щебет...

Настоящий поэт, по Бауману, тот, кто сам становится словом, и он, «становящийся словом – обнажается от себя. / Становящий слово – впервые рождает и рождается в сущих. / Слагающий стихи / говорит ради тех, в тех и во имя тех, / чей голос отрезан от слуха и языка: / говорит от имени / всех погибших и всех заключенных в молчание. / Он говорит ими, / а они – им. / Первое в нем – прославление, / второе в нем – оплакивание. / Всё в нем – пересозидание, / и всё в нем – сберегание. / Слагающий стихи / хранит мир / и объявляет мир / сущим. / В его гортани и пальцах / всё – впервые, / всё – в последний раз / и всё – неизменно. / Непоправимый дар дыхания / нарекает имена, / вовлекая их выстоять против забвения. / Слагающий стихи есть стяжение и взаимность / между небом и пеплом, / между живыми и мертвыми. / Они – его вещество, его рождающая земля, / он – их кровообращенная речь».

Стихи ли это? Если вспомнить, что «стихи» суть «начала», а «музы» – «мыслящие» (*мыслящие* о вечном дочери Мнемозины-памяти), то именно это – стихи. Не сомневаюсь: в Античности Баумана признали бы за своего, как и в так называемые *Средние века*.

В пришедшем на смену «железному» пластиковому веку он едва ли будет принят за своего даже «профессиональным сообществом»: слишком нестандартен даже для «архаиста». Какой ярлычок повесить, сдавая «в хранилище» подобную поэтику? И Бауман, разумеется, знает, что расклад именно таков и другим, вероятно, не будет. Тем не менее система, бывает, дает сбои – и премию «Дебют» присуждают именно Андрею Бауману. И вот ты, читатель, держишь в

руках эту книгу. Не засушенный бессмертник псевдотрадиционализма и не мертворожденный пустоцвет, претендующий на «инновацию». Это – поэзия в том смысле, который изначально придавался названному греческому термину. И это, повторюсь, древо Традиции, корнящееся в перегнутое ушедших эпох, дающих свежие побеги и шелестящих новой листвой «между небом и пеплом».

Константин Кравцов

Дерево

*...как дерево, как будто это снимок
извилил Бога, дерево, во всем
молчащем потрясении своем...*

Владимир Гандельсман. «Дерево»

Растущее в достаток световой —
Вглубь неба пробуравленная шахта, —
В него впиваясь кроной корневой,
Оно – самостоянье, ось ландшафта,
Весь лес его взошедший строевой —

Идущий ввысь, – материя, кора
Дыхания, избыток корабельный,
Земное истечение нутра
Сквозь кольца годовые, колыбельный
Широкий шум, вбирающий ветра

И смех воздухоплавающий крон, —
Прожилок золотящихся венозных
Мерцание, столетний птичий трон:
В цвету его сияний кровеносных
Согретый воздух пьет горячий гром,

Играющий в стволах, где солнцеток
Достигнет совершенства кругового.
И ветви-центробежцы – взрыв, поток —
Спешат вовне: расширить власть живого,
Под сень свою малейший взять росток...
Но как двоякодышащее слово
Идет в доречевой его исток,
Так дерево землей пребудет снова.

2 февраля – 8 марта 2009

Служение

под небом настоящего
с таинственного цельнозвучия языка
просторного и простоголового
в тишине замолвленного словечка
исходит

предстоя

смиренная, мироносная суть

соль разделенная на хлеб и воду
в вересковой простой грамматике земли
преломляя
звонящими глотками виноградное солнце

служения час пробил
в часовнях пашен и роц
заливное лугов преподано вечерничающей мошкаре
птичий неф струится к светородящему алтарю
в сердцевину мыслящей речи

23–27 июня 2011

Обратное странствие

Когда внутри услышишь говор птичий
и гул тысячелиственной волны —
их путеводной сделайся добычей:

вдоль поколений, что заключены
в тебе, ступай, ведя их как лозничий;
древесными корнями тишины

вбери в себя всю кровность осязаний,
сквозь каждую пройди земную пядь,
вглубь воздуха, проросшего глазами,

молитвенно раскрывшимися вспять —
к смотрящему из них первоистоку;
за прядью дней разматывая прядь,

необратимо двигайся к востоку
от времени, с которым началось
изгнанничество; вверх по кровотоку

иди обратной ошупью: насквозь,
в допытную тьму неразделенья
на свет и тьму; лимбическую ось

межтеменного кругообращения
в телах взведенным сердцем ощути,
теперь познавшим первый день творенья,

откуда все расходятся пути
с неукротимой сжатостью лавины.
Ты должен воедино их свести,

земную жизнь пройдя до пуповины.

27 июля – 20 августа 2011

Пир (Диптих)

I. Пир богов

За столами, что простерлись вглубь горизонта
за широкими ясеневыми столами
от зачатья времен
пируют
молодые, веселые боги
дети ясного, тонкорунного неба
и смуглой, спелой земли
от рожденья времен
пьют виноградную кровь
легконогие боги
от возрастанья времен
вкушают плодовую мякоть
и зрелость колосьев
пьют глазами, губами, всей кожей
из ликующей чаши
совершенные, юные боги
от цветенья времен
приобщаются плоти святого оленя и
бога-быка
разделяют его плодоносное тело
и столикую силу
со смиреньем несут ему в дар
животворную славу
светлоокие боги
от хмельенья времен
каждый дарственный взгляд их танцует
каждый мускул и
каждый их атом
вождеет по миру
от познания времен
сочетаются с небоземлею
без корысти взалкавшие боги
победные лозы
позвоночничкодрева
от закланья времен
совлекаются воли
самовластные, гордые боги
отдают себя в пищу
мгновенноживущим
наливается зрелое, терпкое слово

стал язык их – лозою
тела их – пшеницей
и время их – пашней
и чаши их – лоном
и смерть их – рождением
от скончания времен
возгорается правящий ясень
бессмертные боги
это черные свечи
в хиросимском полуденном солнце
бессмертные боги
это пепельный воздух
человекоплавильных печей
чтоб выковывать души
бессмертные боги
это вмерзшие в кожу ресницы
соленый их мрамор
соловующих северных сумерек
черное солнце
отрезает земли пуповину
косыми лучами
пируют бессмертные боги
перемолоты в пасти эпох
драгоценное жито
золотые их пряди
сучит словно нити судьба
драгоценная пряжа
капилляры их – быстрые реки
драгоценное миро
пируют бессмертные боги
за столами, что простерлись вглубь горизонта
за широкими ясеновыми столами
так приносится вечная жертва
так умирают бессмертные боги
так обновляется мир

Октябрь–ноябрь 2009

II. Поминовение

Вровень с пейзажем простеньким
и монотонно каплющим —
тусклые лица, страшенький
и бесконечный путь:
по пустырям и просекам
тянутся к серым кладбищам
траурницы и бражники —
прошлое помянуть.

Прошлое их помятое,
прошлое поминутное
в оспе горячих точек,
в горле их – суховей,
стынет из глаз невнятная,
глупая влага мутная,
и поливает дождичек
мертвых их сыновей.

Сядут, хабарик высмолят,
пальцами заскоружлыми
вынут стакан с испаринкой,
ветер затащит вслед
голосу их – над избами
и над сухими руслами,
и на газетке старенькой
будут вино и хлеб.

28 августа – 4 ноября 2009

Андрогин

В цветковом сердце янтарного дня
карей стрельчатой ночи, —
позвоночник океана,
кортикальный огонь родовидящий,
возводящий сквозь карминовый жар планет,
кругообращающихся сфер, —
он вдыхает
крилевый воздух вод
в рыжем кипении солнц многократных
в круговине дельфиньего света
в центре всех становлений
в средоточии листовенных воинств
обнаженный до птицы и зверя
в перикарде,
до червя, и тюленя, и ангела – в семени
обоюдополярном, —
сопричастник всего
разжимающегося универсума
всей пульсирующей лестницы душ.

Веснушчатые звезды
долгих галактик —
в центре его ладоней;
не рассеченный на поздние глины, —
утренне-полночь —
первообраз Леонардовых форм совершенных,
витрувианский огонь макрокосма,
андрогин:
утвержденный в середине моря и суши,
всеприимный,
простерший кресторадостно руки объятий, —
бог, становящийся всеми,
сорадостный и
сострадающий всем.

15 сентября – 8 ноября 2010

Прилив

Море идет через кроны
по стволам анфиладам артериям
поднимается внутрь слов
приливает к вискам
к яснейшему небу
к родниковому свету темени
в древний чешуйчатый слух зодиака
в серпокрылую радужку ночи
в бархат спиральных касаний
прилив обволакивает кожу рождений и тел
по венам поднимается море
красное белое море
эритропоэтика рдяных и мраморных солнц
омывающих космос
в сердцевине черного моря
с первым, непроглядным отливом
расходящегося кругами новорожденных галактик
морские звезды плывут над городами
птицы пульсируют по зеркальной изнанке океана
под глубокой поверхностью неба
под мерцающими сводами артерий
в которых идет
через кроны и плавники
через колонны и снопы встающего света
через колыбельную черноту вселенных, разжимающихся
в биении сердца
малиновый прилив
восходящее море

30 июня – 6 июля 2010

Дриада

Ниспадая
огненные локоны кроны
заплетены в солнце
ветвящаяся грамматика запястий
струится
в древственной чистоте
шепота и безмолвия
вся
танцующий огонь дуновения
вся
ствольномыслящий шелест
ранней земли
от недр ведут письма на ее теле:
покрыта листовными рунами
нагота светотени:
дитя-волк и ребенок-лев
одарены улыбкой
приходят к ней
тишина-олень
приходит к ней
омытой цветеньем и
земляничной кровью корней
слезным соком на солнечной коже
источеньем древесного лона:
облачена
в платье из вереска,
с диадемой из халцедона:
обручена
божество божеству
на шепчущем ветверуком отвесного воздуха бальзамическом ложе

28 октября – 14 декабря 2011

Познание

Под костным веществом (еще безликость),
под первородной
рудой – косноязыческая слитость
с благой природой.

И человек, чья кровь – тельца-номады,
еще в работе:
весь – никому-не-надобность монады
и плотность плоти;

но вдруг с другим-единственным сшиваясь
в единство – может
на миг понять, внимающе вживаясь
в чужую кожу,

что кровь по венам движется любовью
всё откровенней,
некосвенней: ведь тело мыслит болью
прикосновений.

1–14 января 2009

Соединение

Душа не вшита в тело, но, скорей,
им пропиталась, став чуть-чуть старей
того, кому и *телосом* и формой
не стать не может. Движитель и вид
невидимый, она кроветворит
из чистого листа, из вести хлорной.

И тело с ней сплетается без слов
(в желёзных клетках лепетный улов
воления горит острее яда):
с чужой душой – с потемками – одно,
в нее же напрямик вовлечено
и ею насквозь объято.

Январь 2009

Человек выходит из дома

Человек выходит из дома,
собираясь купить к столу немного вина и хлеба.
Он хочет жить с этого дня по-другому,
стать совершенным сверху и снизу, справа и слева.
Он хотел бы весь состоять из бабочек, из птиц
или из просто света.
Человек желает принять к сердцу всех, без рассмотренья лиц,
но мир атомарно расщепляется на «то» и «это».
Перед окном льет дождь. Человек надевает зонт и раскрывает
галоши,
чтобы защититься от града, бьющего залпами прямо в темя.
За хлестким углом улицы умирает приснившаяся под утро
лошадь.
Из человека по капле выходит время.
Он зябко съезживается, грузным домам не ровня и вряд ли
даже ровесник,
укрываясь от густой – облепляющей земной и воздушные
шарики – материи околоплодной,
но все равно идет под уже грохочущий дождь. А за плечом его —
вестник
приоткрывает горизонт, застегнутый молнией плотно.

7–9 января 2009

МОТЫЛЬКИ

Летят на пламя. Важная луна,
Биеньем крыльев их удивлена,
В ограде туч приоткрывает дверцу
И смотрит сквозь стекло горящих ламп,
Как тысячи мельчайших, тонких лап
Паек из света прижимают к сердцу.

Их в эту ночь способны отогреть
Любой фонарь и лестничная клеть,
Навстречу им стремглав несутся фары;
И лишь сегодня все разрешено:
Призывно манит каждое окно,
А в каждом – солнце, ждущее Икара.

Но смерть уже выходит из дверей
С сачком в руке. Они летят скорей,
Чтоб не попасть в ее видоискатель,
И бьются лбом о медленный огонь,
И падают на желтую ладонь,
И умирают, брошены на скатерть.

8 октября 2008

Стихи (к) Дине

I

Повзрослевшие в завтра —
за условные тридцать,
мы глотаем на завтрак
шум аорты, сестрица.

Мы не переиначим
свет софитам незримым
над мальчишьё-девчачьим
над кустом опалимым

слов, чья вечнокустарность
жжет сильнее, чем молитва.
Бытие – это парность
в солипсоиде ритма,

даже если борений
с учащенным собою
полон род наш, ведь время —
это, внутренне, двое.

Под старенье стараний
дух твой мускульно вызрел...
Жизнь всегда слишком ранний
холостящийся выстрел

там, где звучна лишь память —
в двойство звательный поезд,
нас врожденный избавить
от забвения то есть.

II

Двоих ли нас я вижу, одного ли
себя – твоей всё милующей воле
не стать иной,
и нежному бесстрашию едва ли,
горящему о всякой Божьей твари,
судьба виной.

Давно, возможно, были мы подробным
единым космосом внутриутробным,
огнем веществ.
Но брызнул мир, в сознание наше целясь:
единокровная распалась целость
двоих существ,

в твоём, моем рожденье иссякая.
Под сердцем билось время, вовлекая
и нас в игру...
Вселенная, как мать, всегда чревата
короткой жизнью – лишь одной на брата
и на сестру.

13–17 февраля 2010

Пчелиная песнь (Тени голландцев в «Звезде»)

Сманил нас мед небесный
забыть лугов цветенье,
сманил нас мед небесный
оставить улей тесный.

Волшебное гуденье
из высей изумрудных,
волшебное гуденье,
чье беспробудно бденье,

ведет нас, безрассудных,
в сиянье ледяное,
влечет нас, безрассудных,
к цветам созвездий чудных.

От родины и роя
мы к тайнам полетели —
от родины и роя,
отринув всё земное.

Но кто ж на самом деле
страстей остудит жженье —
и кто ж на самом деле
бессмертье встретит в теле.

Само изнеможенье,
пронзенное сверканьем,
само изнеможенье
бесплодного движенья,

мы вознеслись и канем,
бесцельно и бестело,
мы вознеслись и канем,
бесплотной хрупью станем —

скольженьем хлопьев белых,
летающих вниз безвольно,
скольженьем хлопьев белых
меж ульев опустелых.

*Мартинус Нейхоф. «Песнь неразумных пчел»
(перевод с нидерландского Ирины Михайловой и Алексея Пурина)*

«Расставлен зал, умолк вседневный труд...»

Александре

Расставлен зал, умолк вседневный труд,
Слова черты случайные сотрут
С лепнины стен, впечатавшихся в зреньё
Фигур и ликов, вызнавших, о чем
Поет слепящий смертный шелест пчел —
Стихающее умиротворенье.

Строка к строке – как сот звучащих мед:
Пусть каждый от сияния возьмет,
От голоса, что, в зал струясь, прочел им,
Как желто-черный бархатистый рой
Клонящей долу времени игрой
Прибьет к земле. И мы, подобно пчелам,

Летим на звук, вибрирующий в нас
До слепоты восторженной, в тот час,
Когда земля объять нас захотела, —
Облечься в свет прозрачнокрылых риз,
Как бабочки выпархивая из
Под лепестками сброшенного тела.

16–26 мая 2007

«ПТИЦА ГРАНИЧИТ С ВОЗДУХОМ...»

птица граничит с воздухом
зверь – с камнем
ангел – с листом полыхающим по щеке ночи
человек граничит с морем
с самозабвенной раковиной моллюска
тысячелетний планктон эритроцитов
мерно стучит в висок
любовники зашитые в наготу
впервые граничат друг с другом
отслаиваясь от природы

заостренные исступлением
с похudevшими чертами
прорастая друг в друга
корнями и капиллярами
они первые прикасаются к смерти
к взрыву неподвижной белизны
к яростному шуму тишины возле глаз
к распусканию влажного тождества
к утрате себя
к тому что
смерти
нет
всегда
позади

14–17 января 2010

В этих комнатах

в этих комнатах
знают все входы и выдохи
идут через воздух
на ощупь
на его углекислый вкус
в этих комнатах

в этих комнатах
души выглядят потерянными
они телесного цвета
и теряются в гипподамовой сетке
кровеносной речи
в этих комнатах
убивают время
и время убивает
убывая всё быстрее
в этих комнатах

в этих комнатах
смеются
едят мороженое и пьют игристые коктейли
и умирают в одиночестве
на серых изгаженных простынях
пространство-время тому назад
в этих комнатах
преломляют хлеб
подкрепляются вином
освежаются яблоками
когда цветет миндаль
в плаценту этих комнат

в этих комнатах
выговаривают тела любимых
до самой исподней тишины
до шероховатого тока лимфы

до проходящих насквозь меридианов
до сочленения человека и бога
в этих комнатах
умирают друг в друге
касясь
дотла
до самозабвения
в этих комнатах

в этих комнатах
ничего не знают смерти
заплетающей косы и венки
в этих комнатах

в этих комнатах
носят фраки и
платья с разрезом
и каждый срок
кровоточит разрез под платьем
аккуратная ранка
с рождения
брешь в одиночество
пропитывающаяся красным
ветвящимся в ткани
и отчужденным
в этих комнатах

в этих комнатах
останавливаются и
переводят дыхание
на все языки мира
в этих комнатах
знают все вдохи и выходы
и знают что выхода нет
из себя
из дверей меж собой и собой
в эти комнаты

в этих комнатах
всё небо сплошь
и вся хранящая речь
и все миры на одном дыхании
без остатка утверждены
в этих комнатах

10 декабря 2009 – 25 января 2010

I think I am a verb

Памяти Томаса Себеока

The fact is I think I am a verb instead of a personal pronoun.

A verb is anything that signifies to be; to do; or to suffer. I signify all three.

Ulysses S. Grant

*Wovon man nicht sprechen kann,
darüber muß man schweigen.*

Ludwig Wittgenstein

Я думаю, что я глагол
[больше не имя]
[в/место имени]
горькая (у)часть речи
своём в местоименьице
(в одну душу)
почти Sein
лишнем и притязательном
я – быть, делать, страдать:
рема
(или, вернее, ремарка)
или, вернее, мера
отмеренная голосу
неразборчивая глосса
на пшеничных полях
что перемолоты зубами диких зверей
я неразборчиво, поэтому – есть
логосовые связки прерваны
гортанный смычок замкнулся
я – сказуемое
сказуемое в тишину
без умысла быть, делать, страдать
без делания
без бытия
отрешенность, более не осознающая своего терпения
я – всё, что случается.
дальнейшее – молчанье...

17 января 2010

Старик

Полуоткрыв шумящее окно,
Старик вбирает в тело рокот улиц
И, как пасьянс рассыпанных банкнот,
Раскладывает в памяти, сутулясь,

Пейзажи, лица, тихие слова...
Коснется чёрт на миг черта косая...
Он чувствует, как пахнет пахлава,
Как похвала нечаянно спасает,

Как от усталой кожи отлегла
Волна минут, наитием ведома,
Когда прошла сквозь тишину стекла
Сухая тень, растущая от дома,

Как в пальцах – свет, как голос не ослеп,
Как бродят мысли – плотские сугубо, —
И крошит птицам сытный, спелый хлеб.
Что он Гекубе? что ему Гекуба?

23–26 марта 2007

Встреча

Густаво Фонтану

Старый человек обнимает умершее дерево,
посаженное в год рождения сына:
обнимает самого близкого друга,
изъеденного острым воздухом
и секундными древоточцами на циферблате.
Завтра он положит кроткое, сморщившееся тело
на погребальный костер
и будет петь песнь перед огненной постелью.

Через несколько лет они встретятся,
старый человек и старое дерево:
жить сызнова – и внове.
Среди золотящихся ветвей
станет вдоволь
бабочек, птиц,
писем, фотографий, ленточек,
пчелиных песнопений, муравьиной заботливости,
облаков, ветра, тишины, свободы, отваги.
Они не будут больше нуждаться —
единственно друг в друге.
Вечером дерево покинуло человека —
приготовить стол и кров
за последней калиткой их долгих, натруженных лет;
утром человек будет петь песнь перед встречей.

29–30 сентября 2010

Отъезд

С малой вещью люблю,
С тишиною побудь,
Ибо время с тобою
Нам отправиться в путь.

Погрустим же немножко
Без особых причин,
Посидим на дорожку:
Посидим, помолчим.

И пойдем на старинный
На трамвайный сигнал,
Чтобы пух тополинный
Нас тихонько догнал...

Мимо верных скамеек —
Эту память сберечь —
И домов, что сумеют
Сохранить нашу речь.

Мимо окон цветочных,
Провожающих глаз.
Мимо труб водосточных,
Забывающих нас.

Мимо детского смеха,
Мимо шума двора, —
Мы пойдем через эхо,
Потому что пора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.